

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОСНОВНОГО ЗАКОНА. ОПЫТ НОРВЕГИИ

© 2013 г. Максим Анатольевич Исаев¹

Краткая аннотация: Норвежская конституция является второй по возрасту после Конституции США конституцией в мире. За почти 200-летнюю свою историю ее текст подвергался многочисленным и концептуальным изменениям. Опыту модернизации конституционного регулирования в Норвегии, направленного на преодоление разрыва между “живой” и фиктивной конституциями, посвящена настоящая статья.

Annotation: Norwegian constitution is the second oldest after the US Constitution. The text of this constitution has been fundamentally changed several times for its almost two hundred years history. This essay deals with the modern experience of constitutional regulation in Norway and bridges the gap between the live and fictitious constitution in Norway.

Ключевые слова: конституционное право; модернизация конституции; Конституция Норвегии 1814 г.; Эйдсволльская конституция; конституционно-правовое регулирование; право и модернизация.

Key words: Constitutional law; modernization of constitution; the Constitution of Norway of 1814; Constitution of Eidsvold; law regulation of the constitutional subjects; law and modernization.

Трудно предсказывать будущее, особенно будущее развитие государства, его правовой системы. Перед нами уникальный случай – менее чем через год Норвегия отметит двухвековой юбилей своей Конституции. Об этом свидетельствует широкая конституционная реформа, прошедшая в этой стране в период с 2006 по 2009 г. Отголоски реформы затронули даже май 2012 г., когда редакции подверглось семь параграфов Основного закона, причем редакция § 2 Конституции получилась радикальной. Понятно, что не имело бы смысла проводить эту реформу, если бы в обществе не обнаружилась явная потребность в смене Конституции.

Однако за два века своего существования Эйдсволльская конституция превратилась в национальный символ, точнее, в “скрижаль большого символического значения для нации (et klenodium av stor nasjonal symbolverdi)”². Ее текст до сих пор висит в каждой классной комнате норвежских школ, а вплоть до 1905 г. избирательные собрания на выборах в национальный парламент (Стортинг) начинались с зачитывания текста Конституции. Потом, до 1972 г., зачитывались только § 50–64 (регулирувавшие выборы в Стортинг и его компетенцию). В 1972 г. § 56 Конституции,

предписывавший этот порядок, был отменен. Норвежцы боготворят свою Конституцию, день ее принятия – 17 мая – отмечается всегда с большой помпой.

Понятно, что за 200 лет своего существования текст Основного закона не мог не подвергаться изменениям, тем более что конституционное развитие страны изобиловало драматическими событиями. Ирония истории заключалась в том, что Эйдсволльская конституция была радикально изменена через несколько месяцев после ее принятия. Ноябрьская версия 1814 г. Конституции отражала новую политическую реальность – заключение унии (*unio realis*) со Швецией. Вплоть до расторжения унии в 1905 г. изменению подвергались параграфы Основного закона, которые укрепляли государственный суверенитет Норвегии³. Конституционная реформа 1905–1909 гг. подводила итог расторжению унии и утверждала новую конструкцию исполнительной власти в стране.

Десятилетия нахождения у власти социал-демократии (Норвежской рабочей партии) также отразились на тексте Конституции. Бурными были изменения 90-х годов прошлого столетия, когда Норвегия приобрела черты информационного общества постиндустриальной эпохи. Тенденции к укреплению прав человека (в западном

¹ Профессор кафедры конституционного права МГИМО (У) МИД России, доктор юридических наук (E-mail: isaeff.maximanoljevitch@yandex.ru).

² stortinget.no/no/Saker-og publikasjoner/Grunnlovsforslag (2011–2012) dok12 – 201112 – 021. Dok. 12:21 (2011 – 2012).

³ Подробнее вопрос взаимоотношений Норвегии и Швеции в рамках унии рассмотрен в: Исаев М.А. Расторжение шведско-норвежской унии в 1905 году. К столетию годовщины // Моск. журнал межд. права. 2009. № 2.

его понимании)⁴ проявили себя и здесь. Особенно остро стоял вопрос о ратификации Норвегией Европейской конвенции по правам человека 1950 г. и дополнительных протоколов к ней. Проблема как раз заключалась в вопросах суверенитета – необходимости признания обязательными решений Европейского Суда по правам человека. Сами норвежцы, народ довольно националистичный по своему умунастроению, полагали, что их собственные стандарты в этой области неизмеримо выше общеевропейских (что, в общем-то, правда), хотя еще в 1962 г. они приняли новую редакцию § 93 Основного закона, разрешавшего передачу государственного суверенитета наднациональным органам в интересах сохранения мира и международного права, но применили на практике его положения только в 1992 г., добившись от ЕС создания “зоны свободной торговли” (*EØS – avtalet*)⁵.

Проблема была решена в духе “соломонова решения”. Конвенцию имплементировали в правовую систему страны особым Законом от 21 мая 1999 г. № 30. Несколько ранее, в 1994 г., в Конституции появился § 110с., обязывающий государство уважать и гарантировать соблюдение прав человека. Закон 1999 г. содержал общее положение (§ 3), согласно которому текст Конвенции с приложениями, став законом, в иерархии источников норвежского права превалировал над обычным текущим законодательством. Стоит заметить, что понятия “конституционный закон” норвежская практика в отличие, например, от шведской не знает, поскольку здесь реально, на практике воплощен принцип прямого действия конституции.

В общем и целом положения Основного закона Норвегии менялись много раз, некоторые параграфы – до 15 раз за два столетия (§ 75). Изменялось количество самих параграфов. Изначально, в мае 1814 г., их было 110, в ноябре того же года – 112; сейчас – тоже 112, но девять из них отменены, а три добавлены: 110а. – с. С 1814 г. 21 параграф

⁴ Не секрет, что этот фетиш современного общества по-разному понимается в различных частях света. Последние черты его развития: отрицание ценностей традиционных религий, гарантии прав лиц с девиантным поведением, отрицание принципа государственного суверенитета, гипертрофия свобод личности и пр. не могут не вызывать *естественных* возражений и ряд вопросов.

⁵ Договор предусматривал создание особого режима торговли между Норвегией и ЕС. Норвегия в обмен на таможенные преференции (80% норвежского экспорта приходится на объединенную Европу) согласилась на прямое действие на собственной территории некоторых директив руководящих органов Евросоюза.

остался неизменным, многие из них – “спящие параграфы”, как называет их сама норвежская доктрина. Впрочем, некоторые могут быть отнесены к разряду юридических курьезов. Так, § 94 Конституции (неизменный) начинается следующим образом: “В первую очередь новые общие Гражданский и Уголовный кодексы должны быть изданы Стортингом первого или, если это невозможно, второго созыва”. Вот 200 лет норвежцы и принимают гражданский и уголовный кодексы. Это важно учитывать, поскольку сама Норвегия только по недоразумению относится некоторыми отечественными авторами к континентальной системе права.

Помимо изменений и редактирования положений Конституции в материальном смысле норвежская практика знает своеобразную языковую модернизацию текста Конституции. В истории Эйдсволльской конституции были две волны языковой модернизации: в 1903 и 2012 гг. Рассмотрим эту практику модернизации подробнее.

* * *

Понятно, что за 200 лет норма языка должна была измениться – это общая проблема для всех текстов конституций, обладающих более или менее почтенным возрастом. Однако в Норвегии сложилась уникальная ситуация: здесь официально с 1980 г. признаны равноправными *два* норвежских языка. Первый – литературный (*bokmål* – букв. “книжный язык”) имеет ясные корни в датском языке, второй – новонорвежский (*nynorsk*) возник относительно недавно, в 20-х годах XIX столетия, в среде националистически настроенной норвежской интеллигенции под воздействием общеевропейского духовного течения романтизма. Логика была простой: язык является выразителем народной Души. Напомним, понятие “народная Душа” (*Volkgeist*) было сердцевиной учения романтизма. А как быть с Норвегией, “где народную Душу выражает чужой, даже иностранный язык?”⁶ Откровенно говоря, выход был найден в создании банальной “мовы”, где нормой стали считать язык неотесанной деревенщины. Не случайно юношк до 1929 г. официально именовался “деревенским языком”⁷. Особенность этой “мовы” состояла в том, что вместо литературных форм, например “куда”, употребляли “куды”, вместо

⁶ *Jahr E.H. Utsyn over Norsk språkhistorie etter 1814*. Oslo, 1994. S. 11.

⁷ *Landsmaal* – народный язык, хотя фактически “лансмол” в буквальном смысле означает “язык деревенщины”. Не стоит забывать, что термин “лансмол” – датского происхождения. Кстати, букмол до 1929 г. официально именовался “*rigsmaal*”, т.е. государственным языком.

“чего” – “чаво”, вместо “жена” – “жёнка”, вместо “корабль” – “корабь” и т.п. В 1885 г. Стортинг своим постановлением разрешил использовать “народный язык” в школе и присутственных местах. С 1930 г. знание новонорвежского языка для государственных служащих стало обязательным, правда, для лиц, рожденных после 1905 г. Полное уравнивание букмола и нюношка состоялось в 1980 г.⁸ Фактически это означало, что обучение в школе теперь ведется на литературном языке или на новонорвежском согласно пожеланию ученика.

Однако это было бы полбеды (20% населения Норвегии не имеет полноценного образования⁹), но в самом новонорвежском языке нет устоявшейся грамматической и орфографической формы. Сравним, например, название норвежской Конституции¹⁰ на букмоле и нюношке:

Норма/годы	Букмол (литературный язык)	Нюношк (новонорвежский язык)
1814	Constitution for Kongeriget Norge	–
1903	Kongeriget Norges Grundlov	–
1878	–	Norges grunnlov
1906	–	Kongeriket Norgis grunnlov
1953	–	Grunnlov for Norgis rike

Практика гарантированной законодательством малограмотности в языковой сфере, понимаемая в современной Норвегии почему-то как признак демократии¹¹, привела не только к отсутствию единой языковой нормы, но и к тому, что со-

временные норвежцы с трудом понимают текст Конституции собственной страны. Контрольный и конституционный комитет Стортинга (*kontroll- og konstitusjons komiteen*) в своем постановлении (*innstilling*) об образовании особой комиссии (*ad hoc*) для тотальной ревизии языка Конституции от 1 марта 2012 г. заявил буквально следующее: “Комитет разделяет точку зрения инициаторов предложения об изменении языка Конституции в том, что устаревший вариант датско-норвежского языка Конституции в редакции 1903 года сегодня представляет трудность для чтения. Основной закон должен быть модернизирован в чисто языковом отношении так, чтобы он в еще большей степени продолжал оставаться живым документом норвежской демократии”¹².

Здесь опять-таки необходимо пояснение. Букмол (литературный язык) ведет свое происхождение от стародатского варианта литературного языка, созданного датским просветителем Л. Хольбергом¹³. Поэтому текст Конституции сегодня звучит так, как если бы текст современной Конституции РФ 1993 г. был написан на языке Карамзина и Державина. Кстати, весьма заманчивый вариант! Официозный вариант этого датского языка был положен в основу проекта конституции 1814 г. Фактически норвежская Конституция была написана людьми (бюрократами) с университетскими дипломами для людей с университетскими дипломами. Но поветрие модернизма затронуло и язык Г. Ибсена и К. Гамсуна, в 1903 г. была проведена первая тотальная ревизия языка Конституции. Она коснулась 140 мест Основного закона¹⁴. По единодушному признанию специалистов, современная редакция Конституции, т.е. редакция 1903 г., – это норвежский литературный язык последней трети XIX столетия¹⁵. Но политика в сфере образования сделала свое дело.

Здесь необходимо еще одно пояснение. Дело в том, что конституционная практика Норвегии считает одним из своих неперенных условий внесение изменений в текст Конституции (§ 112)

⁸ Практика издания некоторых важных законов на нюношке восходит к послевоенному времени.

⁹ “Использование новонорвежского или литературного языка, – пишет Э. Яр, весьма авторитетный современный норвежский филолог, – часто символизирует приверженность к различным ценностям, мнениям и поступкам для многих людей” (*Jahr E.H.* Op. cit. S. 10). Свой труд, из которого взята цитата, он, тем не менее, написал на нюношке.

¹⁰ Кстати, впервые текст Конституции с букмола на нюношк был переведен в 1875 г. каким-то малограмотным телеграфистом.

¹¹ Современных норвежских демократов, очевидно, не волнует, что для многих их соотечественников тексты большинства законов что называется “*non legitur*”, как говорили римляне о письменах этрусков. Главное, чтобы бескультурье получило конституционную санкцию. Впрочем, им далеко до шведов, которые сейчас обсуждают закон о новой орфографии шведского языка в сторону ее радикального упрощения. Объяснение простое: “несчастные” иммигранты (пакистанцы, турки и иже с ними) никак не могут освоить шведское правописание.

¹² stortinget.no/no/ Saker-og publikasjoner/Publikasjoner/Dokumentserien/2011–2012/dok.19-201112.

¹³ Л. Хольберг (1684 – 1754 гг.) был уроженцем Норвегии, родился в городе Берген, диалект жителей которого имеет такие яркие особенности (особенно фонетические), что позволяет говорить о третьем варианте норвежского языка.

¹⁴ См.: Aftenposten. 14.05.2000.

¹⁵ См.: Dok. 19 (2011–2012). В современных условиях этот язык воспринимается “как иностранный из-за особенностей склонения глагольных форм во множественном числе. И это несмотря на то, что реформа 1903 г. носила весьма осторожный (*nennsom*) характер” (Dok. 12:21 (2011–2012)).

исключительно на языке оригинала, т.е. на языке начала XIX в.¹⁶ Однако в последние годы обнаружилась парадоксальная вещь! Современные норвежские депутаты не способны грамотно оформить текст конституционного предложения, как того требует конституционный обычай. Видя такую удручающую картину, Т. Ягаланд – президент Стортинга – в своем циркулярном письме от 28 апреля 2008 г. на имя председателей партийных фракций норвежского парламента высказался за то, чтобы предоставить усмотрению инициаторов, на каком языке (современном или старом) вносить предложения об изменении Конституции. До этого партийные фракции пользовались либо услугами собственных аппаратчиков (филологов по образованию), либо передавали предложение на редактуру специалистам президиума Стортинга.

В связи с этим и другими причинами Контрольный и конституционный комитет Стортинга учредил в марте 2012 г. особую Комиссию, которой поручил полное обновление текста Конституции. Характерно, что в состав Комиссии вошли два *doctores legum* и два дипломированных филолога, секретарем Комиссии назначили работника аппарата норвежского парламента. Работа Комиссии в целом была завершена к сентябрю 2012 г. Поучительны в этой связи направления языковой модернизации Конституции.

Прежде всего изменения должны касаться только модернизации языка: “языковая модернизация не должна изменять реалии старого (ныне действующего) Основного закона”¹⁷. Сами языковые изменения имеют следующие основные направления.

Изменение правописания. Например, норма 1903 г. требовала писать существительные с заглавной буквы (как в современном немецком языке или в датском до середины XX столетия). Теперь все слова (кроме имен собственных) пишутся прописными буквами. Правописание слов приближено к современному варианту, т.е. убраны архаизмы и явные влияния датского правописания.

Несмотря на европейский лоск (самая старая Конституция континента, как никак), норвежцы не избежали влияния дурно пахнущей политкорректности. Речь идет о так называемой **гендерной нейтральности** (*kjønnsnøytralitet*). Почему-то считается, что слова, несущие в себе половую

коннотацию, ущемляют противоположный пол. В соответствии с этим веянием еще в 90-е годы прошлого столетия в параграфы Конституции, содержавшие в себе слово “*Mænd*” (букв. “мужчины, люди”), добавили “*Mænd eller Kvinder*” (“мужчины или женщины”) (например, § 92); так же поступили с местоимением мужского рода “он”, к нему добавили “он и она”. Более того, посчитали нужным точно обозначить половую принадлежность принцев и принцесс (§ 37). Верхом политкорректности считается особая форма, подчеркивающая гендерную нейтральность в тех местах Конституции, из которых и так явствует индифферентное отношение к полу субъекта. Но вся беда в том, что при этом по-прежнему употреблено существительное “мужчина” или местоимение “он”. Чтобы выйти из этого положения, велено теперь писать “мужчина или/ и женщина” либо “он или/ и она”, а для укрепления равноправия – в Конституции женский род ставить впереди мужского, как в обращении к публичному собранию: “Дамы и господа!” Верхом конституционного кретинизма следует признать новую редакцию § 58 и 65, в которых речь идет о заместителях депутатов, вступающих в отправление обязанностей народного избранника, если принципал по тем или иным причинам выбыл из стен Стортинга. Технически заместитель обозначался термином “*Varamænd*” или “*Varamand*”. Гендерно речь идет, конечно, о мужчинах, вставить вместо них женщин не удалось, поскольку получалась бы сальность вроде “*Varakvinde*”, т.е. “заменитель женщины”, что-то вроде резиновой женщины из секшопа. Поэтому ограничились нейтральным “*vararepresentant*”.

Более серьезные изменения коснулись лексики, фразеологии и грамматики языка Конституции. **Грамматически** были осовременены склонения глаголов. Модальные глаголы типа “*bør*”, “*må*”, “*skal*” (на русский язык трудно переводятся из-за оттенков модальности-императивности, отсутствующих в русском языке) в современном норвежском языке выражают степени императивности, понятные только из контекста. Буквально их смысл колеблется от строгой императивности до необязательности оптата – желательности выбора. Тем не менее Комиссия предложила сохранить эти глаголы в тексте Основного закона, но пояснять их смысл с помощью отрицательной частицы “не” – “*ikke*”. Другая грамматическая проблема – нормативный презенс глаголов в настоящем времени (не инфинитив), служащий констатацией факта, отсюда – императивность предложения, в котором такой глагол употреблен. Но это современная норма литературного языка,

¹⁶ Это считается “выражением пиетета по отношению к конституции” (*Andenes J., Fliflet A. Statsforfatningen i Norge. Oslo, 2008. S. 55*).

¹⁷ Grunnlovsforslag Nr. 12 (2007–2008).

в начале XX в. (реформы 1903 г.) она выражала желательность наступления факта (например, не “существует”, а “желательно, чтобы существовало”).

Настоящая головная боль – лексика Эйдсволль-ской конституции. Непреложным требованием норвежской доктрины является обязательность толкования норм Конституции с учетом современного “культурного климата” (*kulturelle klima*)¹⁸. Вызвано это тем, что термины, употребленные авторами Конституции в начале XIX в., сейчас означают совсем не то, что тогда (например, “*Politiet*” – букв. “полиция”) (§ 17). 200 лет назад “полицейскими” считались дела, которые сейчас рассматриваются как общий предмет административно-правового регулирования, а полиция – как всего лишь один из правоохранительных органов. Кроме того, конституционная практика совершенно изменила значение некоторых конституционных терминов. Классическим примером стал термин “правительство” (*regering*) (§ 9, 32, 40, 43 и др. Конституции). Строго юридически, согласно букве Конституции, правительство – это король, которому в случае нужды помогают министры, составляющие его Государственный совет (*Statsråd*) (§ 12). Практика пошла по пути наделения всеми прерогативами короля именно Госсовет, а практика парламентаризма с конца XIX в. привела к тому, что под “правительством” теперь понимают то, что в Англии именуют “кабинетом”, а в случае исполнения министром делегированных полномочий короля – то и его одного. Последнее иллюстрируется, например, практикой помилования. Согласно Конституции право помилования принадлежит королю, председательствующему в Государственном совете (§ 20), но фактически это право осуществляет министр юстиции.

Комиссия предложила лексику осовременить в соответствии с текущей конституционной практикой. Другой выход – провести унификацию употребления терминов. Классический пример – § 112 Конституции, устанавливающий порядок ее изменения. Его текст знает одновременно два технических выражения: “принципы этого Основного закона” (*denne Grundlovs Principer*) и “дух этой Конституции” (*denne Constitutions Aand*).

К фразеологии Конституции решено отнестись осторожно. Устаревшие и явно архаичные обороты решено осовременить, например: “*Almenvæsenet*” (общественность) заменить на “*samfunnet*” (общество), “*have Indseende med*” (имеет попечение над) – “*føre kontrol med*” (осу-

ществляет контроль над), “*offentlig Rolighet*” (общественное благочиние) – “*offentlig ro*” (общественный порядок). Но некоторые оставлены без изменений, например “*aabne Laan*” (открывать заем), хотя современная норма требует иной формы – “*oppta lån*” (предпринимать заем) (п. “b” § 75). Все дело в том, что старая формула более подходит к обозначению действительного полномочия Стортинга по одобрению займа, который делает правительство. Оставлено без изменения и такое выражение, как “*bestandige Indskrænkninger*” (букв. “постоянные ограничения”) (§ 101), хотя само прилагательное считается сильно устаревшим и употребляется в современном языке скорее как наречие. Сделано это было намеренно, поскольку считается, что текст Конституции должен отражать “умеренно-консервативную норму современного норвежского языка”, в связи с чем сохранены те фразеологизмы, которые свидетельствовали бы об исторических корнях документа: “Конституция является историческим документом, поэтому необходимо, чтобы ее читатель реально получал представление об исторических условиях, при которых она появилась”¹⁹, – подчеркивали авторы доклада.

* * *

Модернизация норвежской Конституции затронула не только ее форму, но и содержание. Особенно ярко это проявилось в последней волне реформ 2006 – 2009 гг. Остановимся подробнее на сути этих и предыдущих изменений, которые сейчас преподносятся именно как модернизация. Следовательно, необходимо в первую очередь разобрать само понятие “модернизация”, столь активно используемое в официальных речах с недавнего времени.

Если буквально толковать термин “модернизация”, то это – “осовременивание”. Но здесь есть один аспект, часто ускользающий от внимания. В цивилизационном плане “быть современным” означает “соответствовать времени”. Кажется, все просто, если не ставить вопроса о самом времени. Ключевым становится понятие времени, а здесь как раз и возникают проблемы. Дело в том, что современные цивилизационные типы знают разные концепции времени. Коллективный “Восток” (один из полюсов мировой цивилизации) знает циклическое понятие времени – время идет по кругу, общество неизбежно возвращается в исходный пункт. В такой картине времени нет прошлого и будущего. Коллективный “Запад” (другой полюс цивилизации) исповедует принцип линей-

¹⁸ См.: *Andenæs J. Statsforfatningen i Norge*. Oslo, 1994. S. 15.

¹⁹ Dok. 12: 21 (2011–2012).

ного времени. Линейность западного восприятия времени хорошо отражена в концепции общественного прогресса, где происходит постоянное изменение общественных форм. Здесь есть смена времен, есть даже вера в то, что завтра будет лучше, чем сегодня, тем более, чем вчера. Мы сознательно не выносим оценочных суждений этим типам восприятия времени. Эти типы мало сравнимы, так как имеют различные цели и разный исторический опыт. Цивилизации, построенные на циклическом восприятии времени, живут тысячелетия, линейная цивилизация существует от силы несколько веков.

Есть еще одна проблема. Реальная модернизация возможна только в условиях цивилизации, где есть деление времени на вчера, сегодня и завтра, иными словами, только в условиях общества, копирующего западный тип цивилизации. Тогда модернизация станет означать не “осовременивание”, а “вестернизацию”, или “европеизацию”, этого общества.

В Норвегии мы видим действие как раз только что упомянутого закона общественного развития. Если не принимать во внимание марксистского критерия классовой борьбы, то в истории Норвегии можно выделить несколько четких периодов, сопровождавшихся не только сменой групп политического властвования, но и изменениями в Основном законе страны. На примере Норвегии удобнее говорить о полном подтверждении Лассалевой формулы конституции²⁰. Единственное, что остается еще уточнить, – это вопрос соответствия временных масштабов изменений соотношения политических сил конституционным новеллам. Иными словами, модернизация конституции неизбежно с юридической точки зрения приобретает форму соотношения фиктивной конституции с “живой конституцией”. Кстати, определение “живой конституции” также принадлежит Ф. Лассалю.

Полезно в этой связи напомнить критерий фиктивности конституции, принятый еще в советской науке государственного (конституционного) права. Критерий здесь один, как писал в 1987 г. проф. В.А. Туманов, – «степень соответствия конституционным установлениям. Одно дело, если “живая

конституция” находится в строгом соответствии с последними, и в этом смысле может быть названа “конституцией в действии”. Другое дело, если она создает такой порядок осуществления государственной власти и управления, который значительно отличается от порядка, предписанного юридической конституцией. В этом случае “живая конституция” вступает в коллизию с юридической конституцией, которая в той или иной степени (а иногда и полностью) становится фиктивной»²¹. В Норвегии эта проблема стояла достаточно остро.

В силу известного юридического консерватизма в Скандинавских странах изменения текстов конституций происходят довольно медленно. Формально Швеция за свою историю принимала Конституцию дважды: в 1809 и 1974 гг., в Дании Конституция менялась чаще, но здесь опять-таки считают, что текст ныне действующей Конституции 1953 г. (в нее до сих пор ни разу не вносили изменений) формально считается лишь редакцией первой Конституции 1849 г. Эта медлительность компенсируется, с одной стороны, текущими конституционными изменениями, с другой – особой доктриной “действенного права”, с помощью которого правоприменительные органы этих стран преодолевают разрыв между фиктивностью положений Конституции и ее “живой материей”.

На русском языке анализ этой доктрины в странах Скандинавии дан только автором этих строк²². Здесь же лишь контурно (в целях настоящей статьи) обозначим ее суть. Доктрина “действенного права” (*gældende ret*) на скандинавской почве зародилась под влиянием марбургской школы неокантианства. Суть ее сводится к установлению посредством юридического мышления *соответствия* факта правовой норме, которое в данном случае достигается за счет императивности нормы, а сама теоретическая проблема сводится к поиску путей, посредством которых императивность нормы становится фактом. Иными словами, проблема решается посредством постулата: “То, что что-то мыслится действенным, однозначно означает, что это что-то является обязательным”²³. В некотором роде этот постулат – парафраз гегелевского парадокса о связи разумности с действительностью! Получается в рамках этой доктрины, что нормативность мышления факта связана с мышлением самой нормы, т.е. в силу нормативности, точнее,

²⁰ Напомним: конституция – “это существующее в стране реальное соотношение сил”. И далее: “эти реальные соотношения сил записываются на листе бумаги, им придают письменное выражение, и с момента записи их они становятся более чем фактическим соотношением сил, а именно – правами, правовыми учреждениями, и кто идет против них, тот подлежит наказанию” (Лассаль Ф. Сущность конституции. СПб., 1913. С. 67, 68).

²¹ Современное буржуазное государственное право. Критические очерки. Ч. 2. Основные институты. М., 1987. С. 32.

²² См.: Исаев М.А. Механизм государственной власти в странах Скандинавии. М., 2004. С. 152–161.

²³ Castberg F. Norges statsforfatning. Bd. 1. Oslo, 1947. S. 28.

императивности самого мышления²⁴. Этот тезис неокантианцев получает подтверждение в следующем постулате, теперь уже вполне в Лассалевом духе: “Позитивное государственное право переживается (*efterleves*) так, как оно ближайшим образом сформулировано посредством быстро-текущих уточнений в политической практике и государственно-правовой теории (догматике)”²⁵. Поэтому практическим результатом этой доктрины была развитая система конституционно-правовых обычаев, восполнявших в Норвегии пробел фиктивности норм самой старой в Европе Конституции. Другой инструмент – процедура толкования конституции, получившая в условиях Норвегии характер чуть ли не источника конституционного права.

* * *

Итак, материально модернизация Конституции Норвегии привела к следующим результатам. Во-первых, существенно обновлена основа государственности, ее ядро. Удобнее проследить ход изменений на примере основополагающего § 2 Конституции. Итак, в первоначальной своей редакции 1814 г. он звучал следующим образом:

“Евангелическо-лютеранская религия продолжает оставаться государственной общественной религией. Жители, ее придерживающиеся, обязаны воспитывать своих детей в ней же. Иезуиты и монашеские ордена не терпят. Евреи по-прежнему не получают доступ в королевство”.

В 1851 г. антисемитская часть параграфа была упразднена – евреи получили гражданские права. Для сравнения укажем, что, например, в Дании гражданское равноправие евреев было допущено только после революции 1848 г. В 1956 г. была упразднена антикатолическая часть параграфа, в 1964 г. параграф получил дополнение (ч. 1): “Все жители королевства пользуются свободой вероисповедания”. Наконец, в 2012 г. этот параграф получил совершенно новую редакцию:

“Основой общественных ценностей является наше христианское и гуманистическое наследие.

²⁴ Поясним: сознание включает в себе критерий нормативности в качестве априорного понятия в духе И. Канта. Критерий нормативности мышления подкрепляется его обязательностью. Снова вспомним Канта: мы мыслим нечто не в силу факта существования этого нечто, а в силу обязательности самого мышления. Содержание мышления не важно – мир ли это вещей или мир идей. Позитивизм, а именно об этом методологическом приеме здесь идет речь, является, таким образом, подлинно научным – это сверхидеалистическое учение. Можно даже говорить о трансцендентных свойствах позитивизма.

²⁵ *Castberg F. Op. cit. S. 76.*

Настоящий Основной закон должен гарантировать демократию, поддерживать правовое государство и защищать права человека”.

Положения о правах и свободах человека и гражданина получили новое конституционное закрепление. В первую очередь тотальную модернизацию пережил § 100 Конституции, гарантировавший еще в 1814 г. свободу печати норвежским подданным. За истекшие столетия он оставался неизменным в своих формулировках, так как практика Верховного суда Норвегии существенно дополняла его постановления²⁶. Фактически в этих решениях воплощалась текущая в соответствии с изменяющимися условиями жизни практика толкования этой нормы Основного закона.

Однако в период с 2004 по 2010 г. этот параграф стал неузнаваем. Во-первых, изменился сам центральный термин, которому он был посвящен. Если раньше законодатель говорил о “*Trykkefrihed*” (свободе печати), подвергая его содержание толкованию, чтобы покрыть все то, что со временем вкладывалось в это понятие, то с 2004 г. принцип свободы печати заменен на другой – принцип “*Ytringsfrihed*” (свободы высказываний). Таким образом, помимо ставшего теперь традиционным содержанием этой свободы – свободы высказывания своего мнения – законодатель особо оговаривает, что эта свобода не должна противоречить “возможности поиска истины, демократии и индивидуального выражения мнения”.

Особо стоит остановиться на ч. 3 этого параграфа: “Любой может смело высказываться по поводу государственного строя и любого другого предмета. В то же время должны быть установлены такие четко определенные границы этого права, когда только особо весомая причина могла бы служить основанием к ограничению свободы высказываний”. Ранее, заметим, этот параграф вообще не имел структурных делений. Конституция запрещает предварительную цензуру в любой форме и гарантирует гражданам доступ к государственным и муниципальным архивам.

Право на труд гарантировано в Норвегии на конституционном уровне еще в 1954 г. (§ 110); в 1980 г. это право было дополнено гарантией участия рабочих в управлении производством.

²⁶ Пленарные решения Верховного суда Норвегии имеют ранг источника конституционного права, поскольку силой обычая Суду присвоено право конституционного контроля за текущим законодательством. В 1926 г. этот обычай стал нормой закона. См. подробнее об эволюции роли Верховного суда блестящее исследование: *Eckhoff T. Høyeste rett som grunnlovens vokter // Makt og motiv. Et festskrift til Jens Arup Seip. Oslo, 1978.*

Речь идет о так называемой “производственной демократии”, которая должна была, по мысли скандинавской социал-демократии, нивелировать классовые различия в обществе. В условиях современной глобализации экономики, связанной с переносом промышленного производства в третьи страны, этот вид демократии как-то сам собой захирел. Сопровождалось это тихой ревизией данного положения в Скандинавских странах в начале 90-х годов прошлого столетия, когда пришедшие к власти правоконсервативные партии произвели демонтаж основных институтов скандинавской модели “государства благоденствия”.

Другая проблема, занимавшая умы парламентариев Норвегии, Швеции и Финляндии, стала разрешаться с конца 80-х годов XX в. Речь идет о статусе автохтонного меньшинства этих стран – народности саамов, который до 80-х годов мало чем отличался от статуса порабощенного, колонизируемого народа²⁷. Последовательно, в 1988 и 2006 гг., новый § 110а. гарантировал национально-культурную автономию саамов и право создания ими особых органов самоуправления по этим вопросам – *Sameting* (Собрание саамов). Несколько ранее, в 1992 г., Конституция гарантировала право на здоровую окружающую среду (§ 110b.), а в 1994 г. Норвегия на конституционном уровне взяла на себя обязательство гарантировать соблюдение прав человека (§ 110с.).

В ходе последней конституционной реформы произошли значительные изменения, связанные с самой формой правления страны. Изначально по форме Норвегия являлась конституционной монархией дуалистического типа, но с 1884 г. здесь в качестве конституционного обычая утвердилась практика парламентаризма. В 2007 г. эта практика получила формальное закрепление в тексте Конституции (§ 15). Фактически материальная Конституция Норвегии не изменилась, изменилась именно ее формальная сторона. Важно подчеркнуть, что конституционная новелла 2007 г. (в силу вступила 1 сентября 2009 г.) включала в себя все институты парламентаризма, даже положение, согласно которому Конституция теперь определяет, что во время действия вотума недоверия правительство “занято разрешением только необходимых административных дел (*Embedsførsel*)” (ч. 3 § 15).

Одним из институтов парламентаризма в Норвегии исторически стало положение о недопу-

щении министров к участию в заседаниях Стортинга. Это – конституционная норма еще 1814 г. С учреждением парламентаризма эта норма Конституции перестала иметь смысл, поэтому в 1913 г. министры получили доступ в парламент, но не могли участвовать в его заседаниях на правах депутата. Параллельно с этим положением с указанного года стал развиваться обычай, согласно которому министры, включая премьера, могли повторно избираться в члены парламента. Смысл этого обычая норвежская конституционная доктрина²⁸ видела в стремлении сохранить для государственного управления опытных специалистов. Кроме того, считалось, что таким образом гарантируется пассивное избирательное право лиц, переставших состоять на государственной службе. По Конституции чиновники лишены пассивного избирательного права по сей день. Единственным условием считалось, что министр получает такое право после вынесения вотума недоверия кабинету, но до формальной подачи отставки. В 1976 г. это положение было распространено на госсекретарей (*Statssekretærene*), а в 2003 г. – на политических советников (*politiske Raadgivere*) (§ 62). Последние две категории чиновничества не являются карьерными служащими – они политические назначенцы, помогающие министру (*Statsrådsmand*) в общем руководстве его министерством. Госсекретари появились в структуре норвежских министерств после Второй мировой войны, а политические советники – относительно недавно, лет 20 назад.

Еще одно крупное изменение 2007 г. коснулось парламента, точнее, его структуры. До 2009 г. (вступления в силу новеллы) Норвегия была уникальной страной с парламентом, одновременно несущим в себе черты однопалатного и двухпалатного органа. Специалисты в этой связи предпочитали говорить о “модифицированной однопалатной системе” или “однопалатной системе с определенными чертами двухпалатности” Стортинга²⁹. Исторически сложилось так, что авторы Конституции 1814 г. оказались в плену современных им иллюзий и представлений об идеальном типе правления, навеянного опытом Великой Французской революции. В соответствии с этими иллюзиями было решено в составе Стортинга выделить особую его часть – “*Lagting*” (Законодательное собрание), которому вверялось бы осо-

²⁸ См.: *Castberg F.* Op. cit. S. 380.

²⁹ См.: *Hiorthøy F.* *Lagtingets stilling etter norsk forfatning // Festskrift til professor, dr. juris Poul Andersen.* København, 1958. S. 184 (см. на рус. яз. подробно: *Исаев М.А.* Основы конституционного строя Норвегии. М., 2001. С. 102 и сл.).

²⁷ Это не наша оценка (см. исследования: *The Sami minority in Sweden / Ed. B. Jahreskog.* Stockholm, 1982; *Homme L.R.* *Nordisk nykolonialisme. Samisk problem i dag.* Oslo, 1969).

бое попечение о законопроектах³⁰. Формально Лагтинг включался в работу только при принятии законов, служа своего рода гарантией на пути принятия чересчур радикальных проектов. Кроме того, Лагтинг участвовал в полном составе в заседании Государственного суда (*Rigsret*) (§ 86) (в старой ред.).

Как показала практика, уже к 40-м годам XIX в. Лагтинг утратил свое значение как собрание опытных и сведущих в юриспруденции мужей (*lovkyndige mænd*). Тогда же было установлено в качестве обычая, что только формальные законы требуют отдельного обсуждения в Лагтинге, а законы в форме резолюций, таможенные тарифы, налоговое законодательство и пр. принимаются в форме пленарного заседания Стортинга, т.е. на совместном заседании его обеих частей.

Наибольшее свое значение, как показала практика, Лагтинг приобрел после введения в 1884 г. парламентаризма. Формально вотум недоверия правительству голосовался раздельно по частям, и так получилось, что в 1925 г. при решении отправить кабинет премьера Мувинкеля (*Mowinkel*) в отставку участь его была решена двойным голосом президента Лагтинга. Тот имел право двойного вотума в случае, если голоса депутатов делятся поровну. В результате кабинет устоял. В этой связи гипотетически существовала еще одна возможность, оправдывавшая существование Лагтинга, – случай, когда кабинет связывает свою судьбу с прохождением через Стортинг формального законопроекта. Вероятное отклонение законопроекта Лагтингом могло служить вотумом недоверия правительству. Последняя причина, оправдывавшая существование явно архаичной структуры народного представительства, заключалась в том, что “Лагтинг приобрел значение как средство защиты прав меньшинства, не более”³¹. В Дании и Швеции, заметим, эти гарантии формально были внесены в текст конституций. В Норвегии такой гарантии нет до сих пор. В 1927 г. прозвуча-

ло первое требование упразднения двухчастной структуры Стортинга, а в 2007 г. это предложение было реализовано.

Закреплением властного полномочия Стортинга стал служить абсолютно новый § 82, обязывающий правительство информировать Стортинг по делам текущего управления. Модернизации подверглись законодательная процедура (в двух чтениях) и организация представительства. После принятия нового избирательного Закона в 2002 г. в Конституцию были внесены существенные изменения в § 57–59, регулировавшие порядок избрания парламента. Одновременно отменено старое положение об обязательном домицилии в 10 лет для приобретения пассивного избирательного права (§ 61). В связи с изменением структуры Стортинга радикально изменен порядок формирования и работы Государственного суда (§ 86 и 87).

Наконец, следует сказать несколько слов о пресловутой гендерной нейтральности, которая в материальном смысле означает изменение порядка престолонаследия, чему были посвящены две новеллы 1990 и 2006 гг. В настоящий момент в Норвегии действует кастильская система престолонаследия, сменившая австрийскую (§ 6 Конституции). Формально же положение короля мало чем отличается от фактического его положения в 1814 г., но только формально! Фактически монарх сейчас выполняет в основном церемониальные функции. Впрочем, форма, как доказал опыт Второй мировой войны, в особых условиях может наполниться реальным содержанием.

* * *

Подводя итог, можем заметить, что норвежская Конституция прошла двухвековой путь своего развития довольно успешно. Она органически выполняла свою роль в трудных условиях унии, разрыва унии, многолетней оккупации страны во время Второй мировой войны, эпохи государства благоденствия (*Welfare State*), современного постиндустриального общества. Практика ее применения выработала не только ряд действенных конституционных обычаев, в большинстве своем учтенных в ходе реформы 2006–2009 гг., но и гибкий инструмент в виде толкования ее норм применительно к условиям быстротекущих изменений жизни. И это при том, что в Норвегии невозможен такой вид толкования Конституции, как историческое ее толкование. Просто на сегодняшний день не сохранилась стенограмма заседания Учредительного собрания в городке Эйдсволль, принявшем самую старую Конституцию континента.

³⁰ Соответственно, вторая часть называлась “*Odelsting*” (Собрание старейшин). Примечательно, что изначально название более четко указывало на роль Лагтинга – “*Lagmands – Thing*”, букв. “собрание законодателей”. Исторически в странах Скандинавии и Германии существовал в эпоху раннего Средневековья особый слой людей, лагманов, игравших на суде роль знатоков права, к которым обращался суд в поисках применимой нормы. Позднее из этого слоя “хранителей права” выделился так называемый “шеффенский суд”. В отечественной литературе роль лагманов исследована дореволюционным юристом В.В. Сокольским (см.: Сокольский В.В. О значении вещателей права в первобытных обществах, преимущественно у древних кельтов и германцев. Ярославль, 1875).

³¹ *Niorthøy F. Op. cit.* S. 195.